

РОССИЯ И НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА МИРА

Владислав Бржезинский

Владислав Бржезинский

Россия и новая геополитика мира

<https://litres.ru/74045746>

SelfPub; 2026

Аннотация

Россия больше не может ограничиваться устойчивостью, обороной и ответом на чужие решения. Её масштаб требует большего — способности создавать вокруг себя новый порядок.

Сила страны должна превращать пространство в развитие, ресурсы в самостоятельность, безопасность в долгую ответственность, а союзы — в прочную архитектуру будущего. В центре авторского взгляда — Россия, способная выйти из режима вынужденной реакции и вернуть себе роль державы, которая не ищет место в чужой системе, а формирует собственную линию мировой политики.

От этого поворота зависит не только будущее России, но и очертания нового мира XXI века.

Содержание

От автора	4
О замысле книги	11
Введение	18
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владислав Бржезинский

Россия и новая геополитика мира

От автора

Эта книга написана в момент исторического перелома, когда для России уже невозможно жить прежними способами расчёта. Долгое время страна могла выдерживать давление за счёт инерции огромного пространства, военной силы, сырьевой базы, исторической памяти о прежнем масштабе, способности терпеть издержки и откладывать окончательные решения. Запас прочности, сложившийся за долгие десятилетия, действительно существует. Он не исчез. Но в новую эпоху одного запаса прочности недостаточно. Государство может сохранять устойчивость и одновременно терять будущее, если его экономика сужается, рынки закрываются, технологические каналы становятся ненадёжными, расчёты усложняются, а внешняя среда всё чаще воспринимает его не как источник развития, а как объект ограничения, риска и принуждения.

Наиболее серьёзная опасность для России сегодня не сводится к внешнему давлению. Давление можно выдержать,

обойти, ослабить, перераспределить. Более опасна возможность привыкнуть к пониженному горизонту. Страна может научиться жить в режиме постоянной обороны, приспособиться к сокращённому доступу к рынкам, принять замедление как норму, заменить развитие устойчивостью, а стратегию — управлением дефицитами. Внешне вынужденная выдержка может производить впечатление мужества. Но за ней скрывается другой процесс — сжатие экономического воображения, ослабление пространственной воли, утрата способности предлагать окружающему миру не одну силу сопротивления, но и направление роста.

Россия не может позволить себе длительную стагнацию под видом выдержки. Для малого государства согласие на сокращённые возможности иногда становится способом сохранения. Для страны русского масштаба подмена развития сохранением превращается в историческое понижение. Огромная территория, ресурсы, люди, армия, промышленная школа, научно-технический задел, транспортное положение и цивилизационная глубина не могут служить оборонительному периметру. Если собранная в стране мощность не превращается в движение, она начинает давить на саму страну. Пространство, не вовлечённое в созидание, становится не преимуществом, а внутренней нагрузкой. Ресурсная база, финансовая система, банковский контур и расчётные механизмы, не связанные с собственной системой стоимости и развития, утрачивают часть своей стратегической

функции и всё чаще работают в логике внешней оценки. Люди, не получившие большой задачи, уходят в частное выживание. Государство, не открывающее будущего, всё больше занято продлением настоящего.

Перед Россией стоит не обычный выбор между более жёстким и более мягким внешнеполитическим курсом. Выбор глубже. Либо страна постепенно соглашается на роль сильной, но сужающейся крепости, которая удерживает периметр, отвечает на удары, ищет обходные маршруты и живёт в ожидании следующего цикла давления. Либо она поднимает свои внутренние силы до уровня новой исторической задачи и начинает искать не временную передышку, а новый простор действия — экономический, технологический, транспортный, культурный, военный и политический. Он не будет подарен извне. Его нельзя получить просьбой о признании, переговорами о более удобном положении или надеждой на усталость противников. Его предстоит создать собственным усилием.

У России остаётся шанс, который трудно назвать лёгким, удобным или очевидным. Он не совпадает с привычной логикой комфорта. Он не обещает быстрого результата. Он требует дисциплины, долгой воли, умения работать с разнородными пространствами, готовности строить рынки там, где прежде видели риски, создавать маршруты там, где существовали разрывы, формировать доверие там, где прежние режимы внешней зависимости породили недоверие к любой

крупной организующей силе, и предлагать развитие там, где многие привыкли ожидать давления или сделки. Открывающаяся возможность опасна, потому что требует от России больше, чем сопротивления. Она требует способности стать источником порядка.

Я писал эту книгу не как комментарий к текущему кризису и не как набор политических пожеланий. Текущий кризис важен, но он не исчерпывает происходящего. Под ним лежит более крупный вопрос — способна ли Россия превратить своё положение из проблемы в преимущество, из внешнего сжатия — в связность, из ресурсной базы — в собственную систему стоимости, из военной устойчивости — в гарантию большого пространства, из исторического опыта — в проект будущего. Пока основания русской силы остаются разъединёнными, они дают мощь, но не дают направления. Когда они соединяются, страна перестаёт выдерживать историю и начинает её формировать.

Призыв к величию без формы быстро превращается в риторику. Суверенитет не становится полноценным, если производство не достигает нужного масштаба и эффективности, технологии не складываются в собственную линию развития, кадры не воспроизводятся в достаточном числе и качестве, маршруты не образуют защищённой связности, а расчётные механизмы не способны обслуживать самостоятельный контур стоимости, обмена и накопления. Прошлое сохраняет значение в той степени, в какой становится школой

будущего. России необходим не подъём эмоции, а подъём государственной собранности. Нужна новая готовность государства, элиты, общества, армии, промышленности, науки и культуры действовать не в режиме ожидания, а в режиме создания.

Готовность к созидательному усилию общегосударственного размаха не возникает сама собой. Её нельзя заменить лозунгом, административным нажимом или красивой формулой. Она складывается там, где народ начинает понимать, ради чего ему предлагается усилие; где власть перестаёт мыслить пределами коротких управленческих циклов; где элита снова связывает собственную судьбу с судьбой страны; где экономика получает не одни ограничения, но и направление; где образование и техника перестают быть приложением к развитию и становятся его производящей основой; где внешняя политика перестаёт быть поиском ситуативных опор и становится работой по созданию устойчивой среды рынков, маршрутов, безопасности и долгих обязательств.

В основе авторского замысла лежит убеждение, что Россия ещё способна переломить инерцию сжатия и открыть новый ход собственного развития. Не потому, что он гарантирован. Ничто в истории не гарантировано. И не потому, что одной силы России достаточно. Одной силы недостаточно. Но у России есть то, чего нет у многих государств: масштаб, историческая школа государственности, пространственная глубина, способность к длительному напряжению

и опыт удержания сложного целого. Накопленное страной достояние может остаться наследством, которое постепенно расходуется, а может стать основанием нового действия, если будет превращено из памяти о масштабе в волю.

Я не предлагаю читателю успокаивающую картину. Напротив, исходный смысл этой книги состоит в том, что время простых ответов для России закончилось. Нельзя бесконечно объяснять трудности внешним давлением — пусть и реальным. Нельзя бесконечно ждать благоприятной конъюнктуры, потому что благоприятная конъюнктура для больших государств редко приходит сама. Нельзя бесконечно жить надеждой на то, что старые рынки, старые правила и старые маршруты снова откроются на прежних условиях. Даже если часть прежних возможностей вернётся, страна, прошедшая через нынешний перелом, уже не имеет права строить будущее на зависимости от чужой готовности впустить её обратно.

Необходимость русского действия состоит в том, чтобы вывести страну из режима вынужденного ответа и вернуть ей способность самостоятельно начинать крупное материковое движение. Не ожидание внешних возможностей, а формирование новых рынков, новых связей, новых пространств развития и нового политического притяжения становится решающим условием выхода из нынешнего сжатия. Россия не преодолеет его одним терпением. Она преодолеет его в том случае, если сумеет превратить давление в повод для боль-

шого разворота.

Большая страна не может ограничиться удержанием положения, если её сила теряет пассионарное напряжение и перестаёт превращаться в действие. Ей необходимо выйти к уровню действия, соответствующему её масштабу. Если Россия примет сокращение возможностей как судьбу, она сохранит многое, но постепенно утратит решающее — способность быть началом. Если она найдёт в себе волю к новой организации пространства, её сила перестанет быть ответом на угрозу и станет условием будущего для других. Между удержанием достигнутого и началом нового созидательного движения нет удобной середины. Россия либо останется сильной страной в мире чужих решений, либо вновь станет державой, вокруг которой начинает складываться собственная линия будущего порядка.

О замысле книги

Книга выстроена не как последовательность внешнеполитических тем и не как собрание тезисов, объединённых общим настроением эпохи. Её внутреннее движение подчинено более строгой задаче. Она проходит путь от демонтажа старой карты мира к выработке новой исторической формы, в которой Россия перестаёт быть предметом чужого распределения и возвращает себе способность организовывать большое пространство. Поэтому книга движется не от сюжета к сюжету, а от одного уровня стратегической необходимости к другому. Каждый следующий раздел возникает там, где предыдущий исчерпал свою функцию и открыл вопрос, без которого дальнейшая мысль невозможна.

Начинать движение мысли с готового проекта будущего было бы ошибкой. Прежде всего необходимо освободить само поле стратегического зрения. Пока Россия воспринимается как большое, но промежуточное пространство между уже завершёнными мировыми центрами, любая новая мысль вновь оказывается втянутой в чужую иерархию. Она может звучать смело, но останется движением внутри прежней системы координат. Поэтому сначала требуется разрушить картину мирового порядка, в которой право определять допустимое и назначать исторические роли уже присвоено одним, а другим оставлено приспособляться, отклю-

няться или дорого отвечать на чужую инициативу.

Но демонтаж старой карты сам по себе ещё не создаёт нового порядка. После освобождения от чужой иерархии мировых ролей должен быть назван носитель будущего действия. Следующий уровень книги связан с Россией как формообразующей силой. Она рассматривается не как возмущённый участник чужой игры, не как государство исторической обороны и не как пространство, ищущее более удобное положение между сильнейшими. Она возвращается как держава, способная придавать материку политическую связность. Вопрос уже не сводится к праву России на самостоятельность. Самостоятельность становится исходным условием; решающим становится вопрос о способности России перестать быть ответом на чужой порядок и стать источником иной организации пространства.

После этого меняется сама пространственная конфигурация книги. Пока материк читается по линии Восток — Запад, Россия остаётся внутри уже сложившегося противостояния, где спор ведётся между готовыми центрами силы, а промежуточные пространства существуют в поле их давления. Но будущая конфигурация материка раскрывается иначе. Она начинает проступать там, где Россия как северное евразийское ядро, связанное с государственным опытом, военной организацией, технологическим напряжением и удержанием большой протяжённости, входит в историческое сопряжение с Историческим Югом — пространством демогра-

фии, ресурсов, религиозной глубины, рынков, маршрутов и незавершённого политического подъёма. Из этого сопряжения рождается великая вертикаль материка.

Однако сама вертикаль ещё не является завершённой формой. Южный исторический пояс не может быть введён в книгу как внешний резерв, удобный союзник или дополнительная зона влияния. Иначе новая конструкция повторила бы старую логику периферизации. Поэтому следующий уровень книги поднимает Исторический Юг до статуса одной из несущих сил будущего полюса. Без южной глубины Россия как северное евразийское ядро рискует остаться крепостью с ограниченным историческим размахом. Без защищающей и организующей вершины южный массив рискует вновь стать полем внешнего перераспределения. Их сопряжение важно не как временная коалиция, а как возможность превратить их взаимное дополнение в самостоятельную историческую субъектность.

Но даже обозначенная перспектива остаётся высокой возможностью, пока не получает пространственной анатомии. Поэтому книга переходит к карте Великой сборки. Важен не перечень стран и не механическое расширение зоны влияния. Карта нужна для того, чтобы будущая форма получила узлы, пояса, линии сцепления, коридоры, переходные зоны и уровни участия. Великая сборка понимается не как готовый институт, а как процесс исторического собирания разрозненной материковой мощности в общий контур. Она пока-

зывает, где пространство перестаёт быть суммой направлений и начинает становиться политически организуемой реальностью.

Но карта сама по себе не удерживает порядок. Она может быть точной, насыщенной и геополитически убедительной, но без внутреннего основания останется схемой возможных связей. Поэтому за картой следует вопрос об идее, которая держит ось. Большое пространство не может быть собрано одним страхом, одной выгодой, одним противником или временным совпадением интересов. Ему требуется собственный принцип легитимации, способный перевести связь из уровня обстоятельств в уровень длительной исторической формы. Без собственного принципа легитимации любая крупная конструкция быстро снижается до прагматического союза, удобного до первого серьёзного расхождения.

Но идея не имеет исторической силы, если не подтверждается материальной практикой. Следующим уровнем становится выгода, но не как пониженный хозяйственный аргумент и не как замена политического смысла расчётом. Выгода выступает материальной опорой союзной устойчивости. Большая конструкция должна быть оправдана не одной высотой замысла, но и практикой общего развития: рынками, производственными связями, правилами обмена, инвестиционной длительностью, арбитражем, общей предсказуемостью и участием в развитии. Идея обретает прочность, когда

выгода перестаёт быть сделкой и становится порядком.

Далее книга выходит к более жёсткому уровню материальной состоятельности будущего полюса. Ни карта, ни идея, ни выгода не создают полноценного полюса, если пространство не обладает собственной энергетической, ресурсной и расчётной основой. Поэтому возникает тема энергии, стратегических запасов и новой меры стоимости. Энергия рассматривается не как отрасль и не как привычный знак сырьевой державы, а как один из глубинных источников реальной власти. Вопрос стоимости становится вопросом о том, кто определяет цену действительной мощности пространства: ресурсов, труда, маршрутов, производства, зерна, металлов, транспорта, безопасности и времени развития. Книга переходит от союза как политического намерения к праву большого пространства иметь собственный контур стоимости, расчёта и материальной связности.

Но пространство, обладающее ресурсами, энергией и стоимостью, ещё не является полноценным полюсом, если не умеет видеть себя изнутри. На этом уровне возникает вычислительный суверенитет. Его задача не сводится к технологическому престижу и не исчерпывается языком цифровой эпохи. Большая форма должна обладать способностью считать собственную сложность своими средствами: через свою иерархию рисков, потоков, угроз, потребностей, маршрутов, запасов и решений. Иначе она остаётся зависимой от чужого горизонта интерпретации даже обладая силой, ресурсами

и политической волей. Субъектность понимается уже не как право владеть, но и как право различать.

То, что способно различать себя, должно уметь защищать собственную связность. Поэтому следующим уровнем становится силовой контур Евразийско-восточного союза. После карты, идеи, выгоды, энергии, стоимости и вычислительной среды неизбежно возникает вопрос о защите формы от внешнего слома. Кто не позволит перерезать маршруты, передавить узлы, вынести критические опоры вовне и затем превратить их в инструмент подчинения. Рынок без щита не становится полюсом. Энергия без защищённой инфраструктуры остаётся уязвимой. Зависимость от внешнего технологического контура способна разрушить даже сильную политическую волю. Великая сборка начинает переходить из процесса материкового собирания в политическую форму союза, которому нужны правила, гарантии, обязательства и силовая защита общей длительности.

Завершает конструкцию вопрос, без которого вся конструкция не становится политическим целым. Кто несёт верхнюю политическую ответственность за целое. Кто удерживает смысл, расчёт, силу, стоимость, достоинство включённых миров и право на общую длительность в едином порядке. Книга приходит к русскому центру. Он возникает не как привилегия, не как декоративное первенство и не как риторическое самоутверждение. Русский центр отвечает на вопрос о той верхней инстанции ответственности большой со-

юзной формы, без которой Евразийско-восточный союз распадается на сумму выгод, маршрутов, страхов и временных соглашений или воспроизводит логику старого колониального превосходства.

Внутренняя архитектура книги раскрывается как последовательное восхождение от старой системы мирового распределения к новой исторической форме. От демонтажа чужой карты — к возвращению России как формообразующей силы. От России как северного евразийского ядра — к великой вертикали материка. От вертикали — к Историческому Югу как несущей опоре будущего полюса. От исторической оси — к карте Великой сборки. От карты — к идее, которая делает пространство не коалицией обстоятельств, а формой длительного существования. От идеи — к выгоде, энергии, стоимости, вычислительной среде и силовому щиту. И, наконец, к русскому центру как верхней политической ответственности Евразийско-восточного союза.

Критерий замысла не сводится к разбору отдельных стран, маршрутов, рынков, институтов или военных возможностей. Решающая проверка состоит в том, способна ли Россия выйти из режима ответа и предложить форму материковой организации, в которой безопасность, стоимость, развитие, религиозное различие, технологическая самостоятельность, защищённый обмен и политическая ответственность перестают существовать раздельно.

Введение

Старый мировой порядок слабеет не потому, что исчезли его инструменты. Его военная, финансовая, технологическая и институциональная мощь ещё велика. Его валютные контуры обслуживают значительную часть мирового обмена. Его военные союзы удерживают инфраструктуру давления. Его технологические стандарты продолжают задавать темп развития для многих стран. Его язык по-прежнему определяет границы допустимого, рационального и современного. Но за сохраняющейся мощью проступает решающее изменение эпохи. Прежняя конструкция утрачивает право считаться единственной разумной и завершённой формой мировой организации. Она сохраняет силу, но теряет бесспорность. А утрата бесспорности всегда означает начало большого исторического перелома.

Долгое время глобальная политика держалась на почти молчаливом согласии с одной глубинной предпосылкой. Верхняя шкала мира считалась уже установленной. Одни пространства признавались естественными производителями порядка, нормы, стоимости и легитимности. Другим отводилась роль ресурса, транзита, санитарного пояса, рынка, проблемной окраины или объекта внешней коррекции. Даже сопротивление часто оставалось борьбой за более выгодное положение внутри уже заданной системы координат. Госу-

дарства спорили о доступе, доле, статусе, условиях включения, но гораздо реже о самой форме, в пределах которой перечисленные притязания получают значение. Поэтому многие крупные конфликты последних десятилетий выглядели одновременно масштабными и внутренне незавершёнными. Они шли с огромным напряжением, но оставались внутри прежнего языка мировой власти.

Теперь предмет спора меняется. На первый план выходит уже не вопрос о том, кто сильнее в пределах прежней системы, а вопрос о том, кто способен предложить иной принцип исторического развития. Кто устанавливает иерархию мировых приоритетов. Кто определяет допустимые модели суверенитета. Кто превращает собственные интересы в язык международных норм. Кто назначает цену ресурсам, труду, технологиям, маршрутам и безопасности. Кто получает статус полноценного субъекта, а кто остаётся объектом внешнего управления, исправления, сдерживания или подконтрольной модернизации. Мировая власть начинается не с открытого приказа. Она начинается со способности сделать собственную картину мира обязательной для других.

До санкций, военных блоков, финансовых ограничений и политических ультиматумов существует более глубокий уровень принуждения. Он связан с властью над картой, категориальным аппаратом мировой политики, критериями современности, представлением о возможном и невозможном. Пока государство принимает чужую систему координат как

естественную, оно ограничено ещё до применения прямой силы. Ему могут оставить пространство манёвра, возможность торговли, дипломатические каналы, тактические союзы и даже право на частичное несогласие. Но у него отнимают решающее право — самостоятельно определять высоту собственной исторической задачи.

Россия слишком долго описывалась в навязанной системе координат. Её представляли как проблему европейской безопасности, как последствие распада большой державы, как ресурсную территорию с военным потенциалом, как отклонение от западной нормы, как силу, которую необходимо сдерживать, включать, изолировать, ослаблять или принуждать к более предсказуемому поведению. Даже когда русский масштаб невозможно было отрицать, сам способ разговора о России оставался внешним. Её рассматривали не как источник крупной мировой организации, а как фактор, мешающий окончательной завершённости чужой конструкции.

Навязанная стратегическая рамка давно перестала быть аналитически достаточной. Она не объясняет ни устойчивость России, ни её возвращение в центр мировой политики, ни глубину противоречия между русским масштабом и существующей системой международного распределения. В её пределах Россия остаётся производной величиной. Её действия оцениваются через согласие или несогласие с уже заданным порядком. Её сила определяется тем, насколько она осложняет чужие расчёты. Её будущее сводится к вопросу о

том, каким образом она будет встроена, ограничена, уравновешена или нейтрализована.

Для государства русского масштаба сам способ подобной постановки вопроса неприемлем. Россия не может быть понята как страна сопротивления, обороны или вынужденной реакции. Она не может надолго оставаться державой, которая прежде всего отвечает на чужое давление, чужое расширение, чужие санкции, чужие стратегические инициативы и чужие стандарты допустимого. Ответ может быть сильным, необходимым, точным и исторически оправданным. Но ответ не создаёт собственной мировой линии. Он защищает присутствие, возвращает устойчивость, удерживает периметр, но не раскрывает высшую функцию государства.

Вызов нынешней эпохи для России глубже, чем необходимость выдержать давление само по себе. Выдержка под давлением необходима, но не исчерпывает задачу. Недостаточно доказать, что Россия не будет устранена из истории. Недостаточно сохранить военную, ресурсную и политическую устойчивость. Недостаточно оставаться силой, которую невозможно принудить к капитуляции. Перечисленное относится к уровню выживания и сохранения ранга. Подлинный вопрос начинается выше. Способна ли Россия превратить собственную протяжённость, государственный опыт, военную организацию, материально-ресурсную основу и положение внутри материка в самостоятельный принцип большой мировой политики.

Геополитика большой формы не сводится к спору о границах влияния и перечню внешнеполитических направлений. Она начинается там, где государство видит не разрозненный набор партнёров, противников, кризисов и временных комбинаций, а структуру пространства. Перед ним открывается система зависимостей, коридоров, рынков, ресурсов, транспортных линий, зон напряжения, незавершённых политических форм и возможных центров притяжения. Крупное государство пользуется пространством. Великая держава придаёт пространству порядок, превращая географию из условия существования в инструмент исторического действия.

Россия относится к числу держав, для которых пространство никогда не было внешним обстоятельством. Оно входило в самую природу её политики. Русская государственность формировалась не в узком национальном периметре, а в условиях огромной протяжённости, внутренней разнородности, пограничных напряжений, смены культурных зон, необходимости удерживать дальние линии, связывать удалённые территории и превращать географическую сложность в политическую устойчивость. Перед нами не декоративная особенность прошлого, а один из источников русского государственного типа и один из критериев его будущей состоятельности.

В силу этой пространственной природы Россия не может мыслить себя в пределах замкнутой пограничной государственности, где пространство понимается как пери-

метр обороны, а внешняя политика — как поиск временных партнёрств. В пределах замкнутого самоописания её масштаб становится обременением, а не основанием действия. Огромная территория превращается в оборонительный периметр. Ресурсная база становится предметом внешней оценки. Транспортное положение распадается на коридоры, за которые борются другие. Историческая протяжённость перестаёт работать как источник будущего и начинает восприниматься как нагрузка, требующая постоянного оправдания.

Но возвращение к большой роли не может быть построено на одном обращении к прежним формам. Прошлое даёт опыт, государственную школу, понимание пространства, знание пределов силы и слабости, но не заменяет проект будущего. Ни имперская традиция, ни советская система, ни инерция прежнего могущества не могут быть механически перенесены в другую эпоху. Изменились характер зависимости, устройство мировой силы, значение технологий, логистики, энергии, финансовых контуров и информационных систем. Русская задача состоит не в повторении прежнего образца, а в создании формы, соответствующей масштабу текущего мирового перехода.

Мировой переход не является одномоментным крушением прежней системы. Он развивается сложнее, дольше и противоречивее. Старые центры сохраняют огромные возможности. Их инструменты остаются действенными. Их влияние

продолжает определять поведение многих государств. Но одновременно растёт число стран и регионов, которым тесно в прежней системе распределения. Им необходимо развитие, но они не готовы оплачивать его отказом от политической самостоятельности. Им нужны технологии, рынки, безопасность, инфраструктура и доступ к будущему, но они не хотят навсегда оставаться младшими участниками чужого проекта.

Решающая зона будущей мировой борьбы проходит не только между уже оформившимися центрами силы. Она проходит через пространства, которые обладают ресурсами, населением, транспортным положением, культурной глубиной и стратегическим значением, но не имеют собственной защищённой архитектуры развития. Эти пространства слишком часто становились объектами внешней игры. Их связывали долговыми механизмами, внешними военными гарантиями, навязанными стандартами, зависимой логистикой и чужими моделями управления. Их богатство включалось в мировую систему, но не превращалось в их собственную политическую силу.

Серьёзная геополитика должна видеть в пространствах незавершённого развития не хаос, не вечную периферию и не простой пояс нестабильности. Их незавершённость не означает отсутствия потенциала. Она означает, что элементы возможной крупной конструкции существуют отдельно и ещё не получили единого политического выражения. Ресур-

сы не соединены с собственной системой стоимости. Транспортные линии не защищены общей стратегией. Демографическая энергия не превращена в долгий рынок развития. Культурная глубина не связана с современной технологической повесткой. Без организующей силы разрозненная мощь остаётся материалом для внешнего использования.

Россия связана с этой проблемой не отвлечённо, а напрямую. Её положение, история и материальная конфигурация делают её одной из немногих держав, способных поставить вопрос о крупной континентальной организации не как о лозунге, а как о задаче власти. Она располагает пространственной протяжённостью, военной устойчивостью, ресурсной основой, опытом взаимодействия с различными цивилизационными и религиозно-историческими зонами и способностью существовать вне полной зависимости от морских и финансовых центров прежней системы. Но наличие предпосылок не создаёт результата само по себе. География, сила и ресурсы должны быть переведены в устойчивую политическую конструкцию.

Крупная континентальная организация не может держаться на одной выгоде. Выгода необходима, но она не удерживает большое пространство без правил, гарантий и доверия к длительной линии. Не удержит его и одно принуждение. Принуждение способно временно подчинить, но не создаёт устойчивого притяжения. Не создаёт его и риторика суверенитета, если за ней не стоит инфраструктура силы, расчёта,

безопасности и развития. Устойчивая организация возникает там, где интересы, маршруты, ресурсы, защита и политическое руководство складываются в общую систему необходимости.

Поэтому будущая русская стратегия должна быть значительно строже привычного внешнеполитического манёвра. Ей недостаточно расширять список партнёров, участвовать в многосторонних форматах, искать противовесы одному центру через сближение с другим и накапливать отдельные соглашения. Подобные инструменты могут быть полезны, но остаются уровнем тактики. Подлинная проверка русской силы состоит в том, способна ли Россия предложить организацию пространства, при которой окружающие страны получают не временную поддержку и не набор отдельных соглашений, а участие в самостоятельном контуре развития, способном вывести их из периферийной зависимости и превратить общее пространство в самостоятельный фактор мирового устройства.

На уровне большой организации пространства требуется особое качество власти. Не власть, которая сводит различие к административному подчинению. Не власть, которая заменяет стратегию символами и декларациями. Не власть, которая боится собственного масштаба и прячется за языком осторожности. Нужна власть, способная соединять разнородные элементы в общий контур, брать на себя ответственность за безопасность длинных линий, удерживать правила

обмена, создавать условия развития и не позволять внешним силам снова превращать большое пространство в поле раздельного давления.

Действие такого размаха требует от России внутренней собранности другого порядка. Страна, претендующая на крупную мировую функцию, не может жить одной реакцией на угрозы. Ей необходим собственный горизонт. Её элита должна мыслить не циклами текущих кризисов, а длительными контурами. Экономика должна быть связана с пространственной стратегией. Технологическая политика должна обслуживать не престиж, а суверенное управление сложностью. Дипломатия должна работать не в пределах официальных позиций государств, а с их потребностью в защищённом будущем.

Наиболее серьёзная опасность для России состоит не в том, что её будут сдерживать. Сдерживание неизбежно для державы, способной изменить распределение силы. Более опасно другое. Россия может принять пониженный горизонт как норму. Может счесть достаточным сохранение устойчивости. Может подменить проект сопротивлением. Может принять временные комбинации за стратегию. Может согласиться на роль сильного участника чужого мирового распределения, не поставив вопрос о самом принципе мировой иерархии. Тогда даже отдельные успехи не изменят сути положения. Страна будет сохранять вес, но не создавать порядок.

Большая держава не имеет права на остановку такого рода. Её историческая ответственность определяется не объёмом защищаемого, а способностью создавать вокруг себя устойчивую область порядка. Если Россия не создаёт вокруг себя устойчивую область связей, её будут выстраивать другие. Если она не участвует в определении стоимости, её ресурсы будут оценены внешними центрами. Если она не удерживает ключевые направления движения, они становятся инструментами давления. Если она не предлагает собственную модель развития, соседние и дальние регионы будут втянуты в чужие схемы зависимости.

Основной смысл дальнейшего движения книги вырастает из заданной постановки вопроса. Россия должна быть рассмотрена не как страна позднего ответа, а как держава, перед которой стоит задача крупного исторического действия. Её будущее определяется не фактом выдержанного конфликта с уходящей системой распределения, а способностью предложить иной принцип материковой организации. Для этого требуется мышление, в котором сила, ресурсы, маршруты, рынки, технологии, безопасность и политическая ответственность перестают быть разрозненными величинами и начинают работать как элементы единой исторической конструкции.

Путь к такому принципу действия не может начинаться с готовой схемы. Сначала необходимо освободить поле стратегического мышления от прежней карты, где внешние центры

выступали скрытыми мерилami русской достаточности. Россия уже не оценивает себя через признание Запада и не принимает внешний арбитраж как высшую инстанцию собственного исторического положения. Но выход из зависимости от внешнего арбитража не означает отказа от западных институтов, рынков, технологий, правовых механизмов и управленческого опыта там, где они могут быть включены в русский замысел как инструменты собственного усиления. Проблема глубже. Собственная система ещё не обрела необходимой завершенности, тогда как механизмы прежнего порядка продолжают действовать не только во внешних связях, но и в самих привычках российского развития.

Равновесие с Китаем, участие в многополярных форматах и противостояние американской системе давления также не должны подменять собственное содержание русской политики. Перечисленные направления важны, но каждое из них остаётся неполным, если не подчинено более высокой русской задаче. Китайское направление может дать равновесие, многополярные площадки — манёвр, противостояние американскому давлению — мобилизацию воли. Но ни равновесие, ни манёвр, ни сопротивление сами по себе не создают русской мировой линии. Верхний принцип действия должен рождаться из собственной исторической функции России как державы, способной организовывать большое пространство.

Первый шаг состоит в отказе от карты, где для России

заранее определены пределы допустимого. Подобная карта может выглядеть рациональной, дипломатически удобной и внешне реалистичной. Но её реализм обманчив, если он заставляет державу русского масштаба мыслить себя участником чужого распределения, а не источником новой исторической связности. Настоящий реализм крупной силы состоит не в признании мира окончательно устроенным, а в способности увидеть, где его устройство ещё не завершено, где прежние связи теряют обязательность и где может быть создана новая система связности, защищённого обмена и политического притяжения.

Сегодня перед Россией стоит вопрос не о том, каким образом занять более удобное место в существующей конфигурации. Вопрос жёстче. Она должна войти в число сил, формирующих будущую архитектуру мира, превратить собственный масштаб в порядок, а не в оборонительный периметр, и предложить окружающему пространству не временную защиту, не набор сделок, а устойчивую линию развития. В конечном счёте решается переход от политики ответа к политике формирования — от сохранения собственного ранга к созданию среды, в которой русский ранг становится необходимым для других. Без такого перехода Россия останется сильной, но её сила будет постоянно проверяться чужими инициативами. Её будут вынуждать реагировать, перераспределять ресурсы, закрывать прорывы, отвечать на давление, удерживать периметр и доказывать право на соб-

ственный курс. С осуществлением этого перехода меняется сам характер действия. Россия перестанет быть государством, чья историческая роль сводится к выдерживанию давления. Она станет державой, вокруг которой начинает складываться более крупный порядок.

Исходная ставка состоит в другом. Перед Россией стоит не задача внешнеполитической корректировки и не выбор более удобной линии поведения между уже существующими центрами, а право мыслить и действовать на уровне большой исторической формы. Статус большой исторической формы не обеспечивается одной территорией, одной военной мощью или одной политической волей. Он возникает там, где держава способна превратить собственный масштаб в организующую силу истории, связать пространство с развитием, силу — с ответственностью, ресурсы — с собственной системой стоимости, а безопасность — с правом больших пространств на будущее вне внешнего управления. Только тогда геополитика перестаёт быть искусством удержания и становится способом формирования новой мировой карты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.